
«Чура. Балтийский узел»
@yy_Leonidov

@yy_Leonidov

«Чура. Балтийский узел»

«Автор»
2026

@yy_Leonidov

«Чура. Балтийский узел» / @yy_Leonidov — «Автор», 2026 — («Чура. Балтийский узел»)

2025 год. В службу «Чура» сверху спускают пилотный проект: искусственный интеллект, который видит связи, недоступные человеку. Ветеран службы Андрей Соболь не верит алгоритму, но приказ есть приказ.Первое дело — Калининград. В сеть утёк фрагмент закрытого комплекса, и модель уверенно указывает на инженера порта. Москва требует результата к совещанию, генералы подписывают версию. Соболь замечает несостыковку: у подозреваемого нет доступа к тому, что утекло.Пока группа тянет время, настоящий канал уходит через судоремонтную компанию с иностранным капиталом. А человек, которого модель когда-то забраковала, доказывает ей, что она ошибается, — ценой чужой жизни.Дело закрывают с формулировкой «алгоритм указал направление». «Чура» выходит из него с закрытым отчётом и открытым вопросом: кто на самом деле правит моделью.Алгоритм видит паттерны. Людей он не видит.Книга создана с использованием ИИ.Автор — @yy_Leonidov. AI-редактор — Veruna.

© @yy_Leonidov, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пилот 5
Глава 2. Три подписи 10
Глава 3. Топ-5 18
Глава 4. Варяги 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

@yy_Leonidov
«Чура. Балтийский узел»

Глава 1. Пилот

Сцена 1. Порт (Калининград, сентябрь 2025, ночь)

Дождь начался в десять и к одиннадцати стал ровным, без порывов, — такой, при котором не мокнешь сразу, а промокаешь постепенно, как бумага.

Он стоял под навесом у ворот, и в телефоне было 23:14. Встречу назначили на полночь, а он приехал за сорок минут. Привычка, от которой он так и не избавился: приходить раньше и потом жалеть об этом.

Терминал работал. Через каждые две минуты кран поднимал контейнер и переносил его на площадку — медленно, как будто взвешивал. Внизу горели прожекторы на мачтах, и в их свете дождь был виден до самой воды.

Он поправил воротник и пошёл к КПП.

— Пропуск, — сказал охранник, не поднимая головы.

Пропуск был настоящий. Оформлен на фирму, которая существовала, платила налоги и занималась грузами. Он положил его на стойку и стал смотреть, как охранник сверяет фамилию, — слишком прямо, как смотрят люди, которым нечего скрывать и которые очень хотят, чтобы это было заметно.

— Камера, — сказал охранник.

Он поднял глаза на камеру. В маленьком экране на стойке было видно его лицо: мокрое, спокойное, чужое.

— Проходите.

За воротами пахло соляркой и мокрым железом. Он шёл вдоль контейнеров, считая номера, и на двенадцатом остановился. Здесь.

Человек в рабочей куртке стоял у стены контейнера, спиной к нему, и курил. Курил он редко и всегда до половины.

— Долго, — сказал человек, не оборачиваясь.

— Пробки.

— В порту?

— На подъезде.

Человек обернулся. Лет сорока, лицо обыкновенное, из тех, что не запоминаются, — и это было единственное, что о нём говорило. На левом запястье — часы с металлическим браслетом, без всяких излишеств.

— Привёз?

— Привёз.

Он достал из внутреннего кармана сложенный пакет — плотный, серый, с плоским предметом внутри, размером с пачку сигарет.

Человек взял пакет, но не открыл. Посмотрел на него, взвесил на ладони и убрал за пазуху.

— Всё?

— Всё.

Человек помолчал. Где-то за контейнерами залаяла собака, коротко и без злобы, и сразу замолчала.

— Скажи им, — произнёс он наконец, — что это не всё изделие. Только то, что я успел.

— Что это значит?

— Это значит то, что значит.

Он ждал продолжения. Продолжения не было. Человек выбросил сигарету, придавил её носком ботинка и пошёл к крану — не оглядываясь, ровным шагом, как ходят люди, у которых ещё смена.

Он остался стоять с пустыми руками и с ощущением, что его использовали не до конца.

Обратно шёл тем же путём. Охранник на КПП не поднял головы. Камера проводила его тем же взглядом, что и встретила.

В машине он включил печку и минуту сидел, не трогаясь с места. Потом достал телефон, открыл переписку — три сообщения, все от него, — и удалил её целиком. Приложение спросило, уверен ли он. Он нажал «да».

Дворники смахнули воду. Впереди был мост, за мостом — город, за городом — граница, до которой отсюда было ближе, чем до Москвы.

Он поехал.

И всю дорогу не мог избавиться от мысли, что «изделие» — это не то, что он вёз, а то, что осталось у человека в рабочей куртке.

Сцена 2. Оперцентр (Петербург, утро, через три месяца)

Лифт в здании на Литейном работал через раз, и Соболь поднимался пешком. Пятый этаж, две лестницы, привычка, от которой к пятидесяти двум годам начала побаливать левая коленка.

Он пришёл в 7:40. Раньше всех, как всегда.

В коридоре пахло кофе и мокрым асфальтом. Кто-то уже открыл окно на лестнице — проветрить, — и ветер шевелил прикреплённый скотчем лист с графиком дежурств.

В оперативном зале было три доски. Так получилось само: сначала одну поставил Илья под морские дела, потом Гущин притащил вторую под военные, потом Северова молча заняла третью и повесила на неё карту с фамилиями чиновников. Соболь тогда сказал: «Хоть так порядок», — и с тех пор доски считались границей между направлениями.

На доске Веретенникова висели порты: Калининград, Мурманск, Новороссийск. Рядом — распечатки с судоремонтными заводами и несколько фотографий причалов, снятых с дрона. На доске Гущина — флот, заводы, три закрытых НИИ и схема поставок, нарисованная от руки. Северова держала на своей доске то, чего не любила показывать: фамилии, должности, связи, тонкие линии между прямоугольниками.

Соболь налил воды из графина, сел за стол и разложил перед собой три папки. Бумажные. Он знал, что это вызывает раздражение у половины службы, и не собирался ничего менять.

В дверь постучали.

— Можно? — Дёмин вошёл, не дожидаясь ответа, и положил на край стола стопку листов. — Отчёт по вчерашнему. Ничего. Проверили ещё раз, ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем. Мужик чистый, как стекло. Только стекло это мы теперь месяц будем мыть.

Соболь просмотрел верхний лист и подписал.

— Отпуск?

— Отменили, — сказал Дёмин без выражения. — Приказ.

— Кто отменил?

— Не я.

— Понятно.

Дёмин постоял, переминаясь, и добавил:

— Андрей Николаевич, у нас людей на две смены. Если ещё одно дело — я буду наружку вербовать из уборщиц.

— Уборщицы знают больше, чем наружка.

— Это не шутка?

— Это описание.

Дёмин ушёл, а Соболь дописал на листе: «Люди. Смены. Сроки» — три слова, которые значили одно: он опять будет просить и опять не получит.

В зале появилась Верещагина. Ноутбук она несла на вытянутых руках, будто тот мог укусить.

— Камеры на набережной опять не пишут, — сказала она с порога. — Три из шести.

— Почему?

— Потому что мы ставим их десять лет и не меняем. Одна уже просто умерла, у неё дата последней записи — прошлый март.

— Починить можно?

— Можно заменить. Починить — это когда есть запчасти и человек, который в этом разбирается. У нас есть я и отвёртка.

Соболь кивнул. Верещагина подождала, не скажет ли он чего-нибудь ещё, и ушла в свой угол, где горела настольная лампа и стояли три системных блока.

В половине девятого пришёл Илья. Он всегда входил так, будто боялся, что его прогонят: быстро, боком, с наушниками на шее.

— Андрей Николаевич, посмотрите.

Он развернул на экране сводку: таблица, поверх неё — граф связей, тонкие линии, узелки, подписи.

— Вот здесь пересечение: три фирмы, один склад, один человек. Я проверил по открытым — сходится.

— Распечатай.

— В смысле — распечатать? Там связей сорок.

— Распечатай сорок.

Илья вздохнул, но пошёл к принтеру. Через минуту из коридора донёсся звук, с которым принтер зажёвывает бумагу.

В 9:10 зазвонил телефон на столе — тот, городской, с длинным номером.

— Соболь.

— Андрей Николаевич, здравствуйте, — сказал Ланской. Голос у него был вежливый и немного виноватый, как всегда. — Вам доводят: завтра к вам приедет Пётр Сергеевич Гринёв. Из Москвы.

— Зачем?

— С проектом.

— С каким проектом?

— С новым, — сказал Ланской и, помолчав, добавил: — Мне формулировку не дали. Сказали: «с проектом».

Соболь обвёл глазами три доски, людей, распечатки, которые Илья уже раскладывал на столе.

— Хорошо. Пусть приезжает.

Он нажал отбой и некоторое время сидел неподвижно. Потом встал и пошёл вниз — в архив.

В подвале было тепло и пыльно. Горела одна лампа. Стеллажи уходили в темноту, на корешках — бирки с годами, и Соболь шёл вдоль них, пока не нашёл нужный.

Он взял папку, сел на табурет и раскрыл её на первой странице. Дело было старое, чужое, давно закрытое. Он читал его двадцать минут и почти успокоился.

Здесь, внизу, не было ни Москвы, ни проектов, ни моделей. Были бумага, почерк и люди, которых он когда-то знал.

Наверху хлопнула дверь. Кто-то шёл по коридору и что-то говорил — весело, громко, не по делу.

Соболь закрыл папку и поднялся.

Сцена 3. Презентация (Петербург, тот же день)

Гринёв приехал на следующее утро, в девять, с двумя сумками и без пальто — как человек, который заранее решил, что здесь ему понравится.

В конференц-зале было холодно. Проектор стоял на столе, шнур тянулся через весь кабинет к розетке у двери, и Гущин демонстративно переступал через него, каждый раз всё более выразительно.

— Коллеги. Спасибо, что собрались. Постараюсь коротко.

Он говорил хорошо — не так, как говорят начальники: без пафоса, с удовольствием от собственных слов.

— За последние два года изменилось то, что теперь называют скачком. Появился инструмент, который видит в данных то, чего человек не увидит никогда: связи, совпадения, последовательности. Не потому, что он умнее. Потому, что он не устаёт и не жалеет людей.

Слайд, второй слайд, схема.

— У нас мало оперативников и много бумаги. «Чура-2» не заменит оперативника. Она сузит круг: вместо тысячи фамилий — пять, вместо месяца — день.

Он нажал клавишу. На экране открылся граф: узлы, линии, подписи.

— Пример. Открытые данные за квартал по одному региону. Три фирмы, один склад, один человек. Пересечения видны за минуту. Человек справится? Справится. За неделю. Вопрос — сколько у нас недель.

Илья сидел, подавшись вперёд, и уже что-то писал в блокноте.

— Какой объём на входе?

— Любой, который дадите. Закрытые данные — по регламенту.

— А веса? Можно посмотреть, как считается?

— Можно. Но там мало интересного: матрицы, коэффициенты. Вам не понравится.

— Мне понравится.

Гущин откинулся на стуле.

— А спросить, зачем человеку это нужно, она может?

— Не может. — Гринёв не стал смягчать. — И это честный ответ. Она показывает вероятность. Зачем человек пошёл на склад ночью, знает только человек.

— То есть мы всё равно идём и спрашиваем?

— Вы идёте и проверяете. Она подсказывает, куда идти.

Северова, до этого молчавшая, оторвалась от блокнота.

— Кто её учил?

В зале стало тихо.

— В прямом смысле. На каких данных обучали модель. Кто их собирал и по какой методике.

— Данные исторические. Архивные дела, статистика, открытые источники. Всё по линии, всё согласовано.

— Понимаю. — Она кивнула и записала что-то в блокнот.

Соболь слушал и смотрел на экран.

— Пётр Сергеевич. Вот тут у вас человек. Почему он?

— Прогноз неблагонадёжности ноль восемь десятых.

— Это я вижу. Я спрашиваю, почему.

— Модель не объясняет путь. Она выдаёт результат.

— То есть я должен прийти к человеку и сказать: извините, вас посчитала машина?

— Вы должны проверить. Как делали это двадцать восемь лет.

Соболь помолчал.

— Условие. Версии проверяются людьми. Любая цифра — повод, а не основание. Если я говорю, что версия не сходится, её снимают.

— Согласен.

Слишком быстро, подумал Соболь. Так соглашаются люди, которые знают, что условие не придётся выполнять.

— Тогда всё. С завтрашнего дня модель работает с вашей группой. Первое дело уже есть.

Он открыл папку и выложил на стол тонкий лист.

— Калининград. Утечка. Материал ушёл в сеть в сентябре, всплыл в начале этой недели. Нужно понять, кто.

Соболь взял лист. В левом верхнем углу — пометка от руки: «Приоритет. Срок — до совещания».

— Чьё это?

— Москвы.

— Понятно.

Он сложил лист пополам и убрал во внутренний карман.

Гущин поднялся первым и вышел, не попрощавшись. Северова собрала блокнот и задержалась у двери, глядя на экран, где всё ещё висел граф.

— Красиво. Как карта метро.

— Это метафора?

— Нет. — И вышла.

Илья остался сидеть, глядя на экран так, как смотрят на что-то, что впервые в жизни объясняет мир.

Соболь вышел последним. В коридоре он достал лист, развернул его и прочитал ещё раз, медленно, до последней строки.

Калининград. Утечка. Срок.

Он поднялся на пятый этаж, вошёл в зал и повесил лист на свободный кусок стены — между тремя досками, ровно посередине.

— Работаем.

Глава 2. Три подписи

Сцена 4. Штаб (Москва)

Здание стояло во дворе, за низким забором, и не имело ни вывески, ни номера — только табличку «Пропускной режим» на проходной. Ланской приехал за час, потому что пробки в Москве он всегда считал не обстоятельством, а личным оскорблением.

На проходной его попросили открыть папку. Он открыл. Молодой человек в форме глянул на листы, не читая, кивнул и вернул.

— Второй подъезд. Четвёртый этаж.

Лифт был старый, с зеркалом в половину стены и запахом смазки. Ланской поднялся пешком — привычка, оставшаяся с тех времён, когда он ещё верил, что лестница быстрее.

Приёмная была обставлена так, чтобы человек не задерживался: три стула, низкий столик с журналами трёхлетней давности, кулер, на подоконнике — стопка папок, перевязанных тесьмой. На стене часы без секундной стрелки.

На крайнем стуле сидел майор с папкой и разглядывал телефон. Ланской сел на средний и устроил папку на коленях, придерживая ладонью.

Секретарь — женщина лет пятидесяти, с аккуратной сединой и голосом, которым объявляют посадку, — оторвалась от экрана.

— Ланской? Подождите. Вас вызовут.

Он кивнул.

Ожидание в этом здании было устроено правильно: ни телевизора, ни музыки, ни возможности занять себя. Только часы, кулер и дверь. Ланской изучил майора, его папку и то, как он держит телефон двумя руками, будто боится уронить.

Через двадцать минут майора вызвали в соседний кабинет. Он вышел через семь минут, без папки, и ушёл, не прощаясь.

Ланской остался один.

Дверь кабинета была обита дерматином, и через неё было слышно больше, чем следовало.

— ...я не о том, что мы опоздаем технически, — говорил Аверин. Голос у него был ровный, с длинными паузами, как у человека, который привык, что его дослушивают. — Я о том, что мы опоздаем системно. Через два года это будет у всех, а у нас не будет.

— У кого «у всех»? — коротко и сухо. Барсуков.

— У коллег.

— У каких коллег?

— У тех, кто уже внедрил.

— Это не ответ.

— Это ответ, который вам не нравится.

Ланской поправил галстук. В приёмной было прохладно, но у него вспотели ладони, и он вытер их о брюки, стараясь, чтобы это не было заметно.

Секретарь кивнула на дверь.

— Заходите.

Кабинет был большой и почти пустой. Ковёр, длинный стол, графин с водой и три стакана, три кресла. Окно выходило во двор, и во дворе стоял человек в форме, спиной к окну, и не двигался.

За столом сидели трое.

Аверин — седой, крупный, в очках, которые он снимал, когда хотел, чтобы его слушали внимательнее. Барсуков — сухой, с военной выправкой, которая не зависела от возраста. Вет-

ров — самый молодой из троих, тихий, с мягкими руками и привычкой складывать их на столе так, чтобы не занимать места.

— Ланской. Проходите. Вы нам нужны как курьер.

— Слушаю.

— Положите на стол. — Аверин кивнул на папку.

Ланской положил. В папке было восемь листов: проект решения, обоснование, смета, перечень регионов, схема взаимодействия, три приложения и один лист без названия — с распределением ответственности.

— Вопрос простой. — Аверин повернулся уже не к Ланскому, а к коллегам. — Мы создаём службу под задачу, которой завтра не будет в нынешнем виде. Люди читают тысячу фамилий в месяц. Машина читает миллион и выдаёт пять. Мы не заменяем оперативника, мы сужаем круг.

— Мы не знаем, как она сужает.

— Мы знаем результат.

— Результат — это когда человек отвечает. А у нас получается, что отвечает машина, а подписывает человек. Это неправильно.

— Подписывает человек, — согласился Аверин. — Всегда человек.

— По бумаге — да. По факту — тот, кто первый поверил отчёту.

Барсуков взял со стола лист и поднял его двумя пальцами.

— Вот здесь написано: «эффективность». Кто её считает? По каким критериям? Если машина говорит «этот», а мы находим «этого», — это эффективность? А если мы находим не того, а того, кто был рядом?

— Тогда мы проверяем и находим нужного.

— А если не находим?

— Тогда мы работаем дальше.

— А если мы работаем дальше, а срок вышел?

Аверин приподнял очки.

— Срок всегда выходит, Пётр Иванович. Это не аргумент против инструмента.

Ветров всё это время молчал. Он раскрыл папку, полистал её, дошёл до листа без названия и задержался на нём дольше, чем на остальных. Потом закрыл папку и сказал — тихо, так что пришлось вслушаться:

— Пусть покажет. Один регион.

Барсуков повернул голову.

— Один регион — это уже вся служба.

— Нет. — Ветров не повысил голос. — Это один регион. Если не покажет — отключим. Если покажет — будем думать.

— А если покажет неправильно?

— Тогда мы это увидим. У нас же есть люди, которые проверяют.

Барсуков хотел ответить, но промолчал. Ланской заметил, как он опустил руку на стол и медленно убрал обратно.

Аверин кивнул и взял ручку.

— Формулировка.

Секретарь внесла ноутбук, поставила его на край стола, и на экране открылся лист. Аверин диктовал медленно, с удовольствием от каждого слова:

— «Считать целесообразным проведение пилотной эксплуатации программного комплекса "Чура-2" в одном регионе с последующим докладом об эффективности».

Принтер в углу загудел, выплюнул лист, и секретарь выложила его на стол, поверх папки.

Аверин подписал первым — размашисто, дорогой ручкой, которая оставляла слишком жирную линию. Барсуков — мелко, почти печатными буквами, дешёвой шариковой ручкой,

которую достал из кармана. Ветров — последним, почти незаметно: три буквы и росчерк, который не выходил за край листа.

— Ланской. Заберёте. И передадите в Петербург лично.

— Есть.

— И ещё. — Аверин снял очки. — Там будет Гринёв. Он человек увлечённый. Это не порок, но за ним нужно присматривать.

— В каком смысле?

— В прямом. Чтобы увлечённость не стала единственным аргументом.

Ланской сложил листы в папку, закрыл её и прижал к груди.

— Разрешите идти?

— Идите.

В коридоре было прохладнее, чем в кабинете. Он дошёл до лестницы, остановился и раскрыл папку на последней странице. Подпись Ветрова была самой маленькой.

Мимо прошёл человек в форме, кивнул и скрылся за поворотом.

Ланской спустился на второй этаж, отыскал курилку — маленькую комнату с вытяжкой и окном во двор — и закурил, хотя бросил три года назад. Сигарета была чужая, из пачки, забытой на подоконнике.

В курилке стоял ещё один человек, в штатском, и разговаривал по телефону вполголоса: «...нет, я не про это. Я про то, что они там подписали». Увидев Ланского, он замолчал и вышел.

Ланской докурил, выбросил окурок в жестянку и поехал на вокзал.

В поезде он взял нижнее место, хотя любил верхнее, — чтобы папка была рядом. Проводница принесла чай в подстаканнике, и он обхватил стакан двумя руками, чтобы не расплескать.

Папка лежала рядом, на сиденье. Он прочитал формулировку ещё раз. Слова были правильные, каждое по отдельности. Вместе они не отвечали ни на один вопрос, который он собирался задать.

«Пилотная эксплуатация», — повторил он про себя. — «С последующим докладом».

За окном тянулись поля, потом пошли дачи, потом всё закрыл дождь. Ланской убрал папку наверх, на багажную полку, и всю дорогу смотрел, как она там лежит.

Сцена 5. Обучение (Петербург)

Учились в конференц-зале, потому что в оперативном не хватало розеток. Гринёв принёс проектор, Верещагина — удлинитель на десять метров и моток изоленты, Дёмин — стулья из соседнего кабинета, по два за раз, потому что больше в дверь не проходило.

В зале пахло пылью и разогретым пластиком. Проектор гудел, изображение на стене дрожало, и Гринёв каждый раз, проходя мимо, поправлял его рукой, хотя это ничего не меняло.

На экране покачивалась заставка — «ЧУРА-2» на тёмном фоне.

— Почему «Чура-2»? — Дёмин кивнул на экран.

— Служба называется «Чура», — Гринёв даже не повернулся. — Комплекс назвали по ней.

— Это понятно. Двойка откуда?

— Первая «Чура» — вы. — Он обвёл рукой зал. — Люди, которые смотрели в те же данные и угадывали. Это вторая: та же работа, только без устали.

— И без совести, — Гущин.

— Совесть в техническое задание не входила.

— А по-простому это что? — Дёмин не сел. — Программа?

— Модель искусственного интеллекта. — Гринёв повернулся к нему. — Её учили на наших же данных: дела, выгрузки, статистика. Она не ищет виноватых, она ищет совпадения.

— А разница?

— В том, кто отвечает.

— «Чура» — это оберег, — Верещагина сказала это своему экрану. — Чурка. «Чур меня».

— Вот и оберегайте, — Гринёв нажал клавишу.

— Итак. Что вы видите?

Заставка сменилась выгрузкой: порт, суда, контейнеры, фамилии. Двести с лишним строк, и половина не нужна.

— Скуку.

— Правильно. А машина видит вот что.

Клавиша. Таблица сложилась в схему: узлы, линии, подписи. Склад слева, фирма справа, между ними тонкая нить.

— Один адрес, две компании, три контакта. За полгода. Это не доказательство, это повод посмотреть.

— А раньше мы как смотрели?

— Раньше вы читали глазами и запоминали. Двести строк — неделя. Через месяц будет две тысячи.

Дёмин сел ровнее.

Илья уже открыл ноутбук и повторял за Гринёвым, опережая на полсекунды. У него схема собиралась быстрее и выглядела аккуратнее: он заранее настроил фильтры, о которых Гринёв не упоминал.

— Можно я? Возьму август.

— Берите.

Через минуту на его экране появилась схема — та же, с другими фамилиями.

— Вот здесь. Три организации, один человек, все через тот склад. И у него контакт с человеком, который в прошлом году проходил по другому делу.

Гринёв наклонился к экрану.

— Хорошо.

— Это заняло минуту.

— Полторы, — не отрываясь от своего ноутбука, произнесла Верещагина. — Ты начал в одиннадцать сорок две.

Илья ничего не ответил.

Соболь сидел сбоку и наблюдал. Он не мешал. Он вообще старался не мешать, пока не поймёт, что именно ему предлагают.

— Можно вопрос? — Гущин не открывал ноутбук. Перед ним лежал блокнот, в котором он что-то писал от руки, и ручка, которую он держал не как пишущий, а как офицер держит указку.

— Давайте проверим на человеке. — Он выложил на стол листок. — Иванов. Пятьдесят четыре года. Дача в Ленинградской области, оформлена в прошлом году. Кредит на машину, платит вовремя. Брат работает на заводе. Один звонок в месяц человеку, который числится в одной фирме с тем, кого мы ищем.

— И?

— И машина что скажет?

Гринёв ввёл данные — медленно, чтобы все видели, как он набирает, — и нажал ввод. Несколько секунд на экране ничего не менялось, потом появилась цифра: 0,71.

— Высокий риск. Стоит проверить.

— Проверили. Дача — наследство от тестя, переоформил, когда жена заболела. Кредит обычный, банк дал под залог машины. Брат на заводе, где работает тысяча человек. Звонок — бывшему однокласснику, который действительно числится в фирме, но у него там подработка сантехником.

В зале стало тихо, и стало слышно, как в коридоре кто-то тащит стул.

— Она ранжирует. Она не обвиняет.

— А кто читает ранг? Кто идёт к этому Иванову и спрашивает про дачу?

— Мы и идём. С проверкой.

— Значит, мы тратим время на проверку людей, которых выбрала машина по адресу дачи.

— Значит, мы проверяем быстрее, чем раньше.

— Быстрее — не значит правильнее.

— А медленнее — не значит правильнее.

Соболь постучал пальцем по столу.

— Стоп. — Он подождал, пока оба замолчат. — Гущин прав в одном: цифра не различает человека и совпадение. Илья прав в другом: без цифры мы не увидим и совпадения. Оба правы, оба бесполезны по отдельности.

Гущин откинулся на стуле и закрыл блокнот. Илья сделал вид, что ему всё равно, и уставился в экран.

Верещагина посмотрела поверх ноутбука.

— Можно я спрошу не про мораль, а про механику? Что считается связью? Адрес? Телефон? Совместная поездка?

— Всё, что есть в данных.

— И адрес весит столько же, сколько звонок?

— Примерно.

— Почему?

— Так обучено.

— На чём?

— На исторических данных. Архивы, статистика, дела прошлых лет.

— Чьи архивы?

Гринёв помолчал.

— Разные. Об этом есть справка, я могу прислать.

— Пришлите. — Она записала что-то в блокнот и больше не спрашивала.

Соболь встал.

— Правило. Цифра — повод. Основание — человек. Если версия не сходится на людях, она снимается, независимо от того, что показывает система.

— Разумно.

— И ещё. — Он повернулся к Илье. — Распечатывать. Каждую версию, на бумагу, с датой и подписью. Чтобы потом было видно, кто что сказал.

Илья вздохнул, но кивнул.

— Хорошо.

— Тогда всё. Начнём с завтрашнего дня.

Все начали собирать ноутбуки: шнуры, крышки, стулья. Кто-то задел удлинитель, и проектор погас раньше, чем его выключили.

Правило осталось на словах: в протокол его никто не внёс, потому что протокола ещё не было.

Соболь вышел последним и в коридоре остановился.

— Илья. Ты почему обрадовался, когда она нашла троих?

— Потому что быстро.

— А если бы она нашла троих неправильных?

Илья ответил не сразу:

— Тогда бы мы проверили и поняли.

— А если бы не поняли?

Он не нашёл что сказать.

— Иди. Завтра в восемь.

Соболь подождал, пока шаги стихнут на лестнице, и вернулся в зал. Проектор остывал, экран был бел, и на столе остался лежать листок Гущина — «Иванов, 54».

Он сложил его вчетверо и убрал в карман.

Сцена 6. Тестовое дело (Петербург, порт)

Пилот начался с дела, которого никто не планировал. Модель отработала ночь и утром выдала склад.

Соболь пришёл в восемь, включил чайник и первым прочитал сводку: «Склад 14. Риск 0,83. Основание: пересечение адресов доставки, повторяющееся в течение полугода». Под цифрой стояли дата и время расчёта.

Илья сидел с красными глазами и, судя по кружке, не спал.

— Откуда данные?

— Портовые выгрузки за полгода и то, что дала таможня по нашему запросу. Прогнал вчера вечером.

— Один склад?

— Один. Самый высокий балл во всей выгрузке. Выше восьмидесяти — только он.

Соболь помолчал.

— Так далеко ездить, — Дёмин вошёл и поставил на стол свою кружку. — Один склад, который неизвестно зачем?

— Затем, что он единственный с риском выше семидесяти.

— А если ему просто ночью разгружают соль?

— Проверим. Это же рабочий принцип: цифра — повод.

— Угу. Повод прокатиться.

Ехали в промзону через мост, мимо складов, автосервисов и длинного бетонного забора, за которым угадывались цистерны. Дождь шёл с утра, дворники работали на второй скорости.

Склад 14 стоял в конце улицы: железные ворота, камера над створкой, вывеска «Транслогистика» и номер, написанный от руки на куске фанеры.

У ворот их встретил управляющий — мужчина лет сорока в пуховике поверх свитера — и собака, которая лаяла не переставая, пока её не увели.

— У нас всё в порядке, — сказал он ещё до того, как его спросили. — Документы есть.

— Посмотрим, — Дёмин шагнул в ворота.

Внутри пахло картоном, пылью и чем-то кислым. Стеллажи уходили в глубину, под потолком горели не все лампы, в дальнем конце стоял погрузчик без водителя.

— Чайники. Мыло. Пакеты. Бытовая химия. Всё для магазинов.

Дёмин пошёл вдоль стеллажей, считая ряды. Соболь остался у входа — отсюда было видно и управляющего, и ворота. Верещагина достала телефон и принялась снимать номера на коробках.

— Третий ряд.

Он остановился возле коробок без наклеек и маркировки и постучал по ближней костяшками пальцев.

— Это что?

— Это... — управляющий запнулся. — Это не наше.

— А чьё?

— Не знаю. Привезли, сказали — постоит.

Дёмин достал нож, разрезал скотч и откинул клапан.

Внутри были не чайники.

— Это что? — уже тише.

— Это, — Дёмин выпрямился, — во-первых, конфискат. Во-вторых, повод.

Изъятие заняло два часа. Приехали машины, работали погрузчики, кто-то составлял опись, кто-то фотографировал. Управляющий сидел в кабинете и рассказывал, как так получилось, что товар без документов попал на склад бытовой техники, и каждый раз путался в датах.

К обеду склад был пуст наполовину, к вечеру — весь.

Соболь вышел на улицу. Дождь кончился, над воротами висело серое небо, и в луже отражалась камера.

— Сколько там?

— По описи — на три лимона. Может, больше: считать ещё будут.

— А документы?

— Документы есть. Только не на этот товар.

Вечером Гринёв позвонил и поздравил.

— Первый результат. Я доложу.

— Доложите. Но давайте сначала сами разберёмся, почему именно этот склад.

— Какая разница, если результат верный?

Соболь подумал, что эту фразу сегодня уже кто-то произносил, и вспомнил: он сам почти произнёс её утром.

— Разница есть. Если верный по правильной причине — это метод. Если по случайной — лотерея.

— Хорошо. Разберёмся.

Гринёв первым нажал отбой.

Верещагина села за ноутбук и через час принесла распечатку.

— Вот. Модель указала на склад не из-за контрабанды. Она выбрала его, потому что адреса доставки совпадали с адресом фирмы, которую мы однажды упоминали в запросе. Совпадение.

— Что значит «упоминали»?

— Поиск. Я проверяла одну фирму по запросу, это осталось в истории. Модель подхватила.

— То есть она указала на склад из-за нашей же проверки?

— Да.

Соболь повертел лист в руках. Бумага была тёплая от принтера.

— Илья знает?

— Сказала. Он ответил: «Какая разница, если результат верный».

Соболь кивнул, убрал распечатку в папку и сел к окну, где над портом гас последний свет.

На следующее утро он зашёл к Илье.

— Ещё раз, с самого начала. Почему модель выбрала склад?

— Пересечение адресов.

— А если пересечение создала Верещагина?

— Она не создавала. Она искала.

— Она искала, и это осталось в данных. Модель сочла это признаком.

Илья молчал дольше, чем обычно.

— Это баг. Входных данных мало.

— А если их всегда мало?

— Тогда мы будем всегда перепроверять.

— А если перепроверка покажет, что вы правы?

Он не ответил. Соболь вышел.

Отчёт наверх ушёл в тот же день, с благодарностью и цифрами: конфискат, склад, изъятие. Про совпадение адресов в отчёте не было ни слова.

Вечером, перед уходом, Соболь дошёл до доски Веретенникова и приколол распечатку Верещагиной — ту самую, про совпадение. Лицом к кабинету.

Если кто-то спросит, он скажет: забыл.

Глава 3. Топ-5

Сцена 7. Утечка (Калининград)

Утро в Калининграде начиналось с ветра с залива, и дождь шёл не стеной, а редкими длинными каплями, которые падали на жестяной откос под окном и гремели так, что приходилось повышать голос.

Отдел занимал три кабинета на втором этаже здания, где до девяностых была контора пароходства. Линолеум вздулся у двери, на подоконнике стоял чайник с облупленной эмалью, а на стене висела карта области с воткнутыми булавками — старыми, ещё с прежних дел. Половина булавок давно потеряла смысл: люди уехали, дела закрылись, а карту так и не сняли.

Тарасюк пришёл в семь сорок, поставил чайник и сел разбирать сводки. Читал он их не по порядку, а с конца: сначала происшествия, потом всё остальное. Так было быстрее, и так реже приходилось расстраиваться.

За окном внизу дворник в оранжевой куртке сгребал мокрые листья в кучу, которая расползалась быстрее, чем росла.

В восемь зазвонил городской.

— Виктор Петрович? Верещагина, служба. — Голос молодой, деловой, без предисловий. — У вас вчера была публикация. Профильный форум, закрытая ветка, выложена в четырнадцать двенадцать, удалена через два часа.

— Не читаю форумы.

— Мы тоже. Нам прислали.

Тарасюк подождал.

— Текст со схемой, — продолжила она. — Описание узла и одна схема. Не копия документа, пересказ. Автор понимает, о чём пишет: термины правильные, но порядок не тот, как в оригинале.

— Что за узел?

— Тот, который у вас в порту ремонтируют.

Он помолчал, глядя на карту.

— Понял. Скиньте текст.

— Уже. И ещё: ветку удалили быстро. Кто-то очень не хотел, чтобы её увидели.

— Или хотел, чтобы увидели именно те, кому надо. — Тарасюк нажал отбой.

Он достал телефон, открыл файл и прочитал дважды.

Всё было так, как она сказала: описание узла, схема, ни одной лишней детали, ни имени, ни даты. Написано человеком, который знает предмет, но не хочет, чтобы его узнали по формулировкам. Слова стояли не в том порядке, в каком они стояли в документе, — как переставленная мебель в комнате, где всё узнаваемо, но ничего не найдёшь.

Тарасюк вернулся к сводкам, но через минуту закрыл папку.

— Петрович, — сказал он сам себе, — а ты вообще видел, что в этом сейфе лежит?

Через полчаса он уже шёл по проходной.

В порту пахло соляркой и мокрым песком. Краны стояли, потому что ветер усилился, и в их молчании было что-то неправильное — как в остановленных часах. У четвёртого причала два человека в брезентовых куртках натягивали тент на контейнер, и тент хлопал так, что разговор до них не долетал.

Контора главного инженера находилась в кирпичном здании за складом. Вахтёр, пожилой, в куртке поверх свитера, поднял голову от газеты.

— Виктор Петрович.

— Открывай.

В кабинете было тепло и тесно: два стола, шкаф с папками, сейф в углу, на стене график ремонтов, расчерченный от руки. На подоконнике стояла банка с окурками, хотя курить здесь было нельзя. За столом сидел молодой инженер и что-то считал на калькуляторе — так сосредоточенно, будто от результата зависела его жизнь.

— Выйди, — Тарасюк кивнул на дверь.

Инженер вышел, прикрыв за собой дверь, и было слышно, как он остановился в коридоре.

Сейф был старый, тяжёлый, с двумя замками. Тарасюк присел на корточки и первым делом проверил пломбу: цела. Потом замок: царапин нет, краска на дверце не сбита, ручка не люфтит. Он провёл пальцем по краю дверцы и посмотрел на палец — пыль ровная, без полосы.

— Ключи у кого?

— У меня, у главного инженера и у его зама, — вахтёр вошёл следом и стоял у шкафа, держа руки перед собой. — Больше ни у кого.

— Журнал.

Принесли журнал — толстую тетрадь в коленкоровой обложке, где выдача ключей записывалась от руки. Тарасюк листал медленно, водя пальцем по строкам. За последний месяц одиннадцать записей, все с подписями, все в рабочее время. Почерк был разный, но аккуратный: люди писали так, будто знали, что однажды придут и прочитают.

— Это всё?

— Всё.

— А если кто-то брал без записи?

Вахтёр пожал плечами.

— Виктор Петрович, тут двадцать лет так заведено. Замок на два оборота, пломба, журнал. Если бы кто лез — было бы видно.

— А если не лез?

Вахтёр не ответил.

Тарасюк выпрямился и обвёл взглядом кабинет: сейф, окно, график ремонтов, стол с калькулятором.

— Кто ещё имеет доступ в кабинет?

— Я. Главный инженер. Зам. Уборщица по вечерам. Инженер вот.

— Инженер — это который вышел?

— Этот? Нет, этот молодой, он только с марта.

— А раньше кто был?

— Раньше? — Вахтёр задумался. — Раньше другой был. Ушёл в феврале.

— Куда ушёл?

— В фирму. В судоремонтную. — Вахтёр назвал. — Там платят больше.

Тарасюк записал в блокнот и вышел в коридор, к окну.

Молодой инженер стоял у подоконника, делая вид, что смотрит на порт.

— Ты кто?

— Инженер. С марта.

— Документы в сейфе смотрел?

— Мне не положено. Ключа нет.

— А кто смотрел?

— Главный. И зам. И... — он запнулся. — Ну, все, кому надо.

Тарасюк вернулся в кабинет и достал телефон.

— Верещагина? Тарасюк. Замок не сломан. Пломба целая. В журнале всё чисто.

— Значит, копировали раньше.

— Или своим ключом, без записи.

На другом конце помолчали.

— Виктор Петрович, а сколько человек знали, что в сейфе лежит именно этот документ?

— Вот это правильный вопрос. Я его тоже сейчас задам.

Он сел за стол главного инженера — тот был в отпуске, и на столе ещё лежал его ежедневник с прошлого месяца — и раскрыл журнал на первой странице.

— Значит, так, — Тарасюк поднял глаза на вахтёра. — Список всех, кто заходил в этот кабинет за последние три месяца. По дням. С утра до вечера.

— Виктор Петрович, это...

— Это список. Пиши.

Вахтёр взял лист и сел напротив, и Тарасюк смотрел, как он пишет, медленно и крупно, как пишут люди, которых давно не заставляли писать.

Дождь за окном кончился. Над портом поднялся кран, и в его движении снова появился смысл.

Тарасюк достал телефон.

— Верещагина. Готовьтесь принимать список. И передайте в Петербург: утечка не снаружи.

— А откуда?

— Отсюда.

Он нажал отбой. Сейф стоял в углу, целый и нетронутый.

Двадцать лет замок на два оборота, пломба и тетрадь в коленкоровой обложке. Всё целое. Всё как надо.

Именно это и было хуже всего.

Сцена 8. Срок (Москва)

Встал он в три.

В аэропорт Соболь приехал за два часа — привычка, которая с годами не прошла. Очередь на досмотре двигалась медленно, лента транспортёра гудела, и человек впереди долго выкладывал в лоток ремень, часы и телефон, будто сдавал их на хранение.

В зале ожидания пахло кофе и мокрой курткой. На табло горела задержка рейса на сорок минут, потом исчезла.

Самолёт вылетал в шесть двадцать. Соболь спал в кресле у прохода, откинувшись назад ровно настолько, насколько позволяло кресло. За полчаса до посадки его тронули за плечо — стюардесса с подносом, будто извиняясь.

В Москве было сухо. Таксист всю дорогу молчал, и Соболь смотрел в окно на одинаковые дома, где за стеклом балконов стояли коробки и велосипеды. Мимо тянулись вывески, которые он не запоминал, и остановки, где стояли люди в куртках.

В здание он вошёл в девять. На проходной его уже ждали: пропуск был выписан заранее, на фамилию, без ошибки, — и это почему-то разозлило сильнее, чем сама поездка.

Лифт поднимался медленно, с гудением, и в зеркале было видно, что он не выспался.

Кабинет был тот же: ковёр, длинный стол, графин. Только кресло Барсукова пустовало, и от этого стол казался короче.

— Андрей Николаевич, проходите. — Аверин сидел во главе, очки на столе. — Кофе?

— Не надо.

— Тогда сразу. — Аверин подвинул к нему лист. — Совещание через три недели. Мы должны показать результат.

Соболь не взял лист.

— Какой результат?

— Что служба работает. Что модель не игрушка. — Аверин говорил ровно, с длинными паузами, будто читал вслух написанное. — Нас спрашивают: где деньги, где эффект. Мы отвечаем: вот.

— Я ещё не знаю, что там у вас в порту.

— Знаете. Утечка. Калининград. Три недели.

— Три недели — это если всё пойдёт по прямой.

— А если не пойдёт? — Ветров сидел сбоку и держал чашку двумя руками. — Если не пойдёт, Андрей Николаевич, то через месяц нас не будет. Не вас — службы.

— Я это понимаю.

— Понимать мало.

Гринёв сидел у окна и не вмешивался, но было видно, что он здесь не для разговора: ноутбук открыт, на экране — та же схема.

Соболь положил руки на стол.

— Мне нужны люди и неделя, чтобы проверить допуски. У нас в порту свой человек, он проверит сейф и журнал.

— Сколько нужно?

— На проверку — неделя. На работу по версии — ещё две.

Аверин снял очки и протёр их платком, долго и обстоятельно.

— Неделя на проверку. — Он повернулся к Ветрову. — Николай Сергеевич?

Ветров поставил чашку.

— Неделя — это много.

— Это мало.

— Это много для отчёта. — Ветров не повысил голоса. — Отчёт нужен раньше, чем правда. Так устроено.

Соболь не отвёл глаз.

— Вы понимаете, что вы сейчас сказали?

— Я сказал то, что вы и сами знаете. — Ветров улыбнулся, и улыбка была вежливая, почти извиняющаяся. — Покажите нам, что машина работает. Покажите на одном деле. Правду мы потом отдельно посмотрим.

— А если она покажет не того?

— Тогда покажет человек. — Аверин надел очки. — Мы же для этого вас и держим.

Соболь помолчал. За окном во дворе снова стоял человек в форме, спиной к окну, и не двигался.

— Формулировку.

Аверин кивнул, как будто ждал именно этой просьбы, и продиктовал, не глядя в бумаги:

— «Обеспечить в установленный срок получение результата по делу. О ходе работы докладывать еженедельно».

— Это не формулировка. Это срок.

— Это и есть формулировка. — Аверин подписал лист и протянул ему. — Через три недели. И ещё: в Калининграде вам помогут. Там есть майор, Тарасюк. Он местный, двадцать лет в порту.

— Я с ним уже говорил.

— Вот и хорошо.

Когда Соболь вышел, в коридоре было пусто. Он дошёл до лифта, потом передумал и пошёл пешком, вниз, через два этажа, мимо курилки, откуда тянуло табаком.

На лестнице ему навстречу поднимался человек с папкой, кивнул и прошёл мимо.

На улице было холоднее, чем утром. Соболь достал телефон и проверил билет: обратный рейс в 19:40.

До вылета оставалось шесть часов.

Он сел в кафе у аэропорта, взял кофе в автомате — тот оказался хуже, чем выглядел, — и положил лист на стол.

«Обеспечить в установленный срок получение результата по делу».

Двадцать восемь лет он читал такие формулировки. Каждая означала одно: если найдёшь — хорошо, если не найдёшь — виноват. Если найдёшь не того — виноват вдвойне, но об этом никто не скажет.

Рядом сидел мужчина с ребёнком и складывал из бумаги самолётик. Ребёнок бросал его, и самолётик падал на пол, и они оба смеялись каждый раз.

Соболь допил кофе и пошёл на посадку.

В самолёте ему досталось место у окна. Под крылом тянулись поля, потом облака, потом всё закрыла серая пелена. Сосед справа всю дорогу спал, уронив голову на плечо, и его бумаги лежали на коленях.

Соболь закрыл глаза и не спал.

Он думал о сейфе, о пломбе, о журнале в коленкоровой обложке — о том, что человек, который достал документ, не ломал замок. Он просто взял ключ.

И о том, что через три недели ему придётся назвать фамилию. Любую. Ту, которую даст машина, или ту, которую он найдёт сам.

Самолёт начал снижение. Внизу показались огни.

Соболь достал лист, сложил его вчетверо и убрал во внутренний карман — туда же, где лежал билет.

Сцена 9. Топ-5 (Петербург)

К девяти вечера в зале остался один человек. Вентиляция гудела ровно, как самолёт на высоте, и от этого шума начинало казаться, что время идёт медленнее.

Илья загрузил последнюю выгрузку в восемь сорок. Дальше оставалось ждать.

Он сходил за кофе — в автомате на этаже осталось ровно на одну порцию, и он забрал её, не раздумывая, — вернулся и сел.

На экране ничего не происходило. Полоса загрузки стояла на месте, потом дёрнулась, потом снова замерла.

В службе все знали, что модель считает долго. Гринёв объяснял это тем, что данных много и связей в них больше, чем кажется. Илья кивал и не спрашивал, почему на демонстрации всё занимало минуту.

Он встал и прошёлся по залу: от двери до окна восемь шагов, от окна до доски шесть. На доске висели распечатки, которые он сам приколол неделю назад, и одна из них уже отклеилась сверху.

Двор за окном был тёмный, в окне напротив горел свет. Человек в этом окне стоял и не двигался, и Илья поймал себя на том, что смотрит на него слишком долго.

В девять двенадцать экран мигнул.

Список появился сразу, целиком: пять фамилий, пять цифр, пять строк с основаниями. Илья пробежал глазами сверху вниз, потом снизу вверх, потом снова сверху.

Первая строка: Штерн А. Л., 54, инженер, порт. Прогноз неблагонадёжности — 0,79.

Он откинулся на стуле так, что тот скрипнул.

Захотелось кому-то сказать. Он даже открыл список контактов, посмотрел на три фамилии и закрыл.

Потом набрал номер.

— Андрей Николаевич. Есть список.

— Пять?

— Пять. Первый — Штерн, инженер порта. Семьдесят девять.

В трубке было слышно, как где-то на фоне работает телевизор.

— Я приеду.

Он приехал через сорок минут, в куртке поверх домашней футболки, и первым делом попросил распечатать.

— Сначала посмотрим, потом печатать.

— Печатать. Я так читаю.

Илья отправил файл на принтер. Тот загудел, зажевал лист, выплюнул, загудел снова, и в зале запахло горячим тонером.

На столе легли пять страниц. Соболь взял верхнюю.

— Штерн. Кто он?

— Инженер. Отвечает за документацию по ремонту. У него допуск к технической части.

— Допуск к чему именно?

Илья открыл карточку — фотография из пропускного отдела, серое лицо, очки, — и прокрутил вниз.

— К узлу, описание которого ушло. Это в его зоне.

— Хорошо. — Соболь перевернул лист. — Почему он первый?

— У него самый высокий балл.

— Я вижу балл. Я спрашиваю, почему.

Илья повёл рукой к экрану, где висела схема: узлы, линии, подписи.

— Вот связи. Фирма, которая делала ремонт. Контакты. Адреса. Совпадения по времени.

— Это всё есть у всех пятерых?

— В разной степени. У него больше.

— Почему больше?

— Потому что у него больше данных в системе. Он дольше работает, у него больше документов, больше подписей.

Соболь помолчал.

— То есть он первый потому, что о нём больше написано?

— Нет. — Илья запнулся. — Не совсем. Модель считает вес: частота контактов, совпадения, давность.

— Илья. — Соболь опустил лист на стол. — Ты можешь сказать, за что он первый? Одной фразой.

Илья смотрел на экран.

— Модель не объясняет путь.

— Я знаю, что она не объясняет. Я спрашиваю, можешь ли ты.

Тишина в зале стала другой — вентиляция в ней звучала громче.

— Нет. Не могу.

Соболь кивнул, будто ждал именно этого.

— Хорошо. Тогда так. — Он подвинул к себе лист. — Печатаешь все пять. С датой, с временем расчёта, с подписью — твоей. И моей.

— Зачем?

— Затем, что через три недели кто-то спросит, откуда взялась фамилия. И я хочу показать бумагу, а не экран.

Илья взял лист и уставился на цифру 0,79.

— Андрей Николаевич. А если она права?

— Тогда мы её поблагодарим.

— А если нет?

Соболь уже стоял у двери.

— Тогда мы будем виноваты вдвоём. Печатай.

Он ушёл, и в зале снова стало тихо.

Илья допечатал остальные четыре страницы, разложил их на столе по порядку и подписал каждую: внизу, мелко, как расписываются в документах, которые не хочется подписывать.

Потом откинулся на стуле и посмотрел на список целиком.

Пять фамилий. Пять человек, у которых есть работа, адрес, семья, кредиты, привычки. Пять биографий, сведённых к цифре.

Он попробовал представить первого — инженера Штерна, пятьдесят четыре года, порт, очки, — и не смог. Перед глазами стояла только строка: 0,79.

Он выключил лампу и вышел, оставив листы на столе — ровно посередине, чтобы утром их было видно от двери.

В коридоре было темно. Где-то на пятом этаже хлопнула дверь, и звук ушёл вниз по лестнице.

Илья спустился, вышел на улицу и долго стоял под фонарём, глядя, как в луже дрожит отражение.

Ему было двадцать семь лет, и впервые в жизни он получил власть — маленькую, на одну фамилию, — и не знал, что с ней делать.

Глава 4. Варяги

Сцена 10. Допуски (Петербург)

Лифт на Литейном не работал третью неделю, и Соболь поднимался пешком: пять этажей, две лестницы, привычка, от которой к пятидесяти двум годам начала побаливать левая коленка.

В коридоре пахло мокрой тряпкой и кофе. Дверь оперативного уже была открыта: Верещагина сидела за своим столом, и рядом с ней стояла коробка, перевязанная скотчем.

— Что это?

— Из Калининграда. Тарасюк прислал. — Она пододвинула коробку носком. — Копии. Журнал выдачи ключей, приказы о допуске, график ремонтов. Он всё отсканировал и отправил ещё вчера, но у нас почта до ночи лежала.

— Что значит «лежала»?

— Что значит. Сервер. — Она щёлкнула по клавише, и монитор мигнул. — Электрик сказал, что было проседание. Три раза за ночь. Я не спрашиваю, почему проседание случилось именно тогда, когда нам прислали важное, я просто ставлю всё заново.

Соболь раскрыл коробку. Внутри лежали папки, перетянутые тесьмой, и каждая — с биркой, написанной от руки. Копии вышли бледными: принтер в порту был старый, и на листах оставались серые полосы.

Он освободил стол: сдвинул телефон, убрал графин, расстелил на столешнице большой лист ватмана — единственный, что нашёлся в шкафу, — и достал линейку.

Слева он выписал фамилии. Справа — то, к чему у каждой был доступ. Посередине, между ними, — должности и даты.

— Бумажная война, — Дёмин вошёл с двумя стаканами кофе и поставил один на край стола, подальше от ватмана. — Я думал, мы этим в прошлом веке закончили.

— Мы этим закончили только в отчётах.

Дёмин посмотрел на лист, на стрелки, на фамилии.

— И сколько тут будет?

— Пока тридцать одна.

— А потом?

— Потом меньше.

К полудню на ватмане было четыре колонки и тридцать одна фамилия. Соболь работал молча, стирал ластиком, подписывал заново. Он вычёркивал водителей, уборщиц, людей из охраны, которые заходили в кабинет раз в месяц, чтобы проверить проводку.

К двум часам осталось восемь.

— Что вы делаете? — Илья стоял в дверях с ноутбуком под мышкой.

— Проверяю.

— Что проверяете?

— Кто мог взять этот документ.

Илья подошёл, посмотрел на ватман и поморщился, как человек, которому показали счёт на бумажке.

— Это всё есть в системе.

— Я знаю. Я проверяю, есть ли это правильно.

Он работал ещё час. Вычёркивал, вписывал, тянул линии от фамилий к папкам. К трём часам на ватмане осталось три фамилии.

— Смотри, — Соболь развернул лист к Илье. — Вот приказ о допуске. Кто имеет право работать с документацией по узлу?

— Штерн.

— Нет. Штерн имеет доступ к ремонтной документации. К общей. А узел — отдельная папка, она в сейфе, и допуск к ней — вот здесь.

Он ткнул пальцем в строку.

— Три фамилии. Главный инженер, его зам и начальник отдела. Штерна среди них нет.

Илья смотрел на лист.

— Это не значит, что он не мог.

— Мог. Если бы кто-то дал ему папку. Но тогда в журнале была бы запись.

— Может, не записали.

— Может. — Соболь сел. — Но тогда у нас нет вообще ничего. Ни записи, ни допуска, ни следа. Одна цифра.

Илья аккуратно положил ноутбук на край стола, будто боялся, что тот обидится.

— Андрей Николаевич. Модель видит то, что есть в данных. Если данных мало, она видит меньше. Это не ошибка, это ограничение.

— Я не говорю, что она ошибается. Я говорю, что она показывает не то, что мы ищем.

— А что мы ищем?

— Человека, у которого был ключ.

В коридоре кто-то уронил папку, и бумаги разлетелись, и кто-то долго и сдержанно ругался, собирая их.

Соболь сложил ватман вчетверо и понёс наверх.

Кабинет Гринёву выделили на неделю, и за три дня он обжил его по-своему: две кружки, три зарядки, распечатки, наклейка на ноутбуке — конференция, город и год. На подоконнике лежала книга, которую он так и не открыл.

— Пётр Сергеевич. У меня версия не сходится.

— Покажите.

Соболь разложил ватман на свободном краю стола и показал: допуски, журнал, три фамилии.

Гринёв слушал, не перебивая, и это было хуже, чем если бы перебивал.

— Понимаю, — сказал он наконец. — Но данные неполные. Вы сами говорите: журнал могли не заполнить.

— Могли.

— Значит, вывод преждевременный.

— Вывод — что человек, у которого нет доступа к папке, не мог её взять?

— Вывод — что у нас нет оснований снимать версию. — Гринёв откинулся. — Андрей Николаевич, я вам не враг. Я говорю: дайте модели шанс. Проверьте ещё раз. Может, она видит связь, которую вы не видите.

— Она не объясняет связь.

— Она и не должна. Она показывает направление.

Соболь свернул ватман.

— Хорошо. Я доложу.

Он вышел в коридор, дошёл до окна и набрал Ланского.

— Вадим Игоревич, докладываю: по документам у подозреваемого нет допуска к тому разделу. Версия не подтверждается.

В трубке шуршало.

— Понял вас. — Голос у Ланского был виноватый, как всегда. — Я передам.

— Передайте дословно.

— Передам дословно.

Соболь вернулся в зал и сел. Верещагина печатала, Дёмин разбирал старые дела, Илья смотрел в экран.

Прошло сорок минут. Потом телефон зазвонил снова.

— Андрей Николаевич. — Ланской говорил медленнее обычного, будто читал с листа. — Мне довели: «Версия не проверяется. Версия отрабатывается. Выезжайте».

Соболь молчал.

— Андрей Николаевич?

— Я слышал.

— Мне сказали передать дословно.

— Вы передали.

Он убрал телефон и постоял у окна. Во дворе кто-то мыл машину, и вода стекала по асфальту в решётку.

Потом вернулся в зал.

— Собираемся. Калининград. Дёмин, Верещагина — со мной. Илья — остаётся, ведёт модель отсюда.

— Я могу поехать, — Илья поднялся. — Я быстрее разберусь на месте.

— Ты остаёшься. Кто-то должен смотреть в данные, пока мы смотрим в людей.

— А если данные покажут другое?

— Тогда звони.

Соболь снял с полки папку, положил в неё ватман и закрыл.

— И ещё. Возьми все распечатки. Все пять. Подписанные.

— Зачем?

— Затем, что в Калининграде нам их предъявят.

На часах было половина пятого. Самолёт — в восемь.

— Выезд через час.

Сцена 11. Приезд (Калининград)

Самолёт садился в темноте, и в иллюминаторе было видно только огни — редкие, разбросанные по полю, как будто их расставили наугад.

В аэропорту пахло дизелем и мокрым бетоном. Пассажиры шли к автобусу, подняв воротники: ветер с залива заходил сбоку и бил в лицо, как будто проверял, кто здесь свой.

В зале выдачи багажа лента стояла. Люди ждали молча, потом начали переговариваться, потом кто-то сказал: «Ну, как всегда». Через десять минут лента дёрнулась, и из проёма выехал первый чемодан.

На стоянке их встретил водитель с бумажкой в руке — фамилия написана печатными буквами, без ошибки. Машина была старая, но чистая, и в салоне пахло ёлочкой.

— Долго ехать? — Дёмин сел вперёд.

— До центра — двадцать минут, если пробок нет.

— А если есть?

— А если есть — тридцать.

Водитель оказался разговорчивым, но не навязчивым: рассказывал про новый мост, про то, что раньше до работы было сорок минут, а теперь пятнадцать, и про то, что зимой ветер такой, что машины на набережной приходится ставить носом к стене.

— Вы надолго? — спросил он, не оборачиваясь.

— На неделю, — Соболь смотрел в окно.

— В командировку?

— В командировку.

Водитель кивнул и больше не спрашивал.

Город начинался внезапно: сначала промзона, потом черепичные крыши, потом улица с трамвайными рельсами, по которым шёл трамвай — старый, с жёлтой полосой.

— Немецкое всё, — Дёмин смотрел в окно. — Дома.

— Наше, — водитель не обернулся. — Просто старое.

Гостиница «Балтика» стояла на углу, в четырёхэтажном доме с лепниной. В холле горела одна лампа у стойки, на диване спал человек в куртке, и телевизор показывал новости без звука.

Администратор — женщина в очках — оторвалась от журнала.

— Соболь. Три номера.

Она нашла бронь, долго вписывала что-то в тетрадь, потом выдала ключи на картонных бирках, на каждой — номер, написанный от руки.

— Лифт не работает. Четвёртый этаж.

— Пешком дойдём.

Лестница была узкая, с перилами, выкрашенными коричневой краской, и на каждом этаже горела лампочка без плафона. На втором этаже кто-то смотрел телевизор, и за дверью слышался смех.

Номер был маленький: кровать, стол, шкаф, окно во двор. На стене висела картина с парусником, на столе стоял чайник и две чашки. Соболь поставил сумку, открыл окно и закурил, хотя в номере было нельзя.

Во дворе кто-то гремел вёдрами.

Через полчаса собрались в номере Дёмина — он был больше, и в нём помещался стол.

— Связь. — Верещагина разложила на столе технику: два телефона, ноутбук, рацию. — Рация работает в пределах города, дальше — нет.

— Нам дальше и не надо.

— Порт. Причалы. Складская зона. — Она показала на карте, распечатанной на принтере гостиницы. — Вот здесь камера, вот здесь пост. Если мы идём смотреть, нас видят.

Дёмин разложил оружие: два пистолета, кобуры, документы.

— Стволы в сейф гостиницы. Наружу — только по делу.

— Согласен.

— И ещё. — Дёмин повернулся к Соболю. — Мы тут гости. Если местные узнают, что мы работаем по их людям, работать будет не с кем.

— Поэтому первым делом — к Тарасюку.

— К Тарасюку, — согласился Дёмин и убрал пистолеты в кейс.

Утром они вышли в город.

Калининград был мокрый и светлый одновременно: лужи отражали небо, а небо было серое. Трамвай прошёл мимо, полный людей, и на секунду стало слышно, как в нём разговаривают.

Соболь шёл впереди, Дёмин — в трёх шагах сзади и справа, Верещагина — с другой стороны, с телефоном в руке, как обычная женщина, которая смотрит в экран.

У киоска продавали воду, шоколадки и газеты. Продавщица в окошке считала мелочь и складывала её в жестянку.

Они прошли два квартала, когда Дёмин догнал его.

— Сзади «Лада». Светлая. Едет за нами от гостиницы.

— Точно?

— Второй поворот. Я посчитал.

Соболь не обернулся.

— Далеко?

— Метров тридцать. Не приближается, не отстаёт. Профессионально.

— Или просто местный, которому по пути.

— Три поворота — не по пути.

Они дошли до перекрёстка. Соболь остановился у киоска, купил воды, расплатился мелочью — и, пока ему давали сдачу, глянул вдоль улицы.

Светлая «Лада» стояла у обочины, метрах в сорока, и из неё никто не выходил.

— Уходим, — Соболь сунул воду в карман. — Не бегом. В трамвай.

Они сели в трамвай на остановке, и он тронулся почти сразу. Кондуктор — пожилая женщина с сумкой на ремне — отсчитала сдачу и выдала три бумажных билета.

В окно было видно, как «Лада» осталась на месте, потом медленно поехала следом, но на следующем перекрёстке свернула.

— Отпустили, — Дёмин сел напротив. — Или передали.

— Передали.

Верещагина подняла голову от телефона.

— Это значит, что нас уже посчитали.

— Это значит, что нас ждут, — Соболь перевёл взгляд на окно. — Вопрос — кто.

Трамвай шёл по улице с черепичными крышами, мимо витрин, мимо людей с пакетами, мимо дома, на стене которого висела мемориальная доска с непонятной фамилией.

Город жил своей жизнью и не собирался обращать на них внимания.

Именно это и было неприятнее всего.

Сцена 12. Тарасюк (Калининград)

Тарасюк пришёл в гостиницу к десяти, в куртке и без шапки, хотя ветер был такой, что шапка была бы не лишней.

— Виктор Петрович, — Соболь протянул руку. — Спасибо, что прислали документы.

— Не за что. — Тарасюк пожал руку и оглядел номер, будто проверял, всё ли на месте. — Список готов. Три месяца, по дням.

Он поставил на стол термос и выложил тонкую папку. Внутри оказалось сорок с лишним листов, исписанных крупным почерком вахтёра.

— Кто его составлял?

— Вахтёр. Под мою диктовку. Я потом сверил с журналом.

Соболь начал листать. Почерк был ровный, как у человека, который много лет заполнял одни и те же графы.

— Он писал по памяти?

— По журналу и по памяти. Где не помнил, ставил прочерк. — Тарасюк сел на стул и вытянул ноги. — Я его двадцать лет знаю. Врать не будет.

— А ошибиться?

— Ошибиться может. Но не в фамилиях.

Дёмин взял вторую часть списка и стал читать с конца, переворачивая страницы.

— Здесь у вас каждый день по десять фамилий.

— Это порт. Тут утром больше людей, чем в мэрии.

— А вот этот, — Дёмин ткнул пальцем. — Кто?

Тарасюк взглянул.

— Инженер. Молодой. С марта.

— А этот?

— Зам главного.

— А этого зачем записали?

— Потому что он каждый день заходит. К главному. По ремонту.

Верещагина села рядом, включила ноутбук и начала переносить список в таблицу — быстро, двумя пальцами, но без ошибок.

Тарасюк открутил крышку термоса и налил себе в крышку.

— Чай. Холодно у вас тут в номерах.

— Тепло, — сказал Дёмин.

— У вас тепло, у нас холодно. — Тарасюк отпил. — Привычка.

Соболь закрыл папку.

— Теперь про цель. Штерн.

Тарасюк помолчал.

— Вы всерьёз?

— У нас есть указание.

— Указание — это бумага. Штерн — человек. — Тарасюк подался вперёд. — Я его двадцать лет знаю. Он долги не прячет, он их отдаёт. На дачу копил шесть лет. Дочка в Москве, врач.

— Виктор Петрович.

— Дайте мне сказать. — Тарасюк не повысил голос, но стало тише. — Вы приехали с машиной. Ваша машина нам тут всё испортит.

— Почему?

— Потому что она ищет похожих. — Он обвёл рукой список. — А в порту похожи все. У всех один адрес, одна проходная, одни подписи. Если искать по похожести, она вам покажет кого угодно.

— Она показывает вероятность.

— Она показывает то, что в неё загрузили. — Тарасюк поставил крышку на стол. — Я не спорю с техникой. Я говорю: пока вы работаете по её списку, вы не смотрите по сторонам.

Соболь сел напротив.

— А по-вашему, где смотреть?

Тарасюк достал из кармана ручку и придвинул к себе лист.

— Вот здесь. — Он нарисовал квадрат. — Причал. Здесь — склад. Здесь — контора. Три точки.

Он провёл линию от конторы к складу.

— Документ лежал в конторе, в сейфе. Ключи у трёх. Пломба целая.

— Я это читал.

— Значит, утечка шла не через сейф.

— А через что?

— Через людей, у которых есть доступ к тому же узлу, но не к сейфу. — Тарасюк обвёл третью точку. — Через тех, кто ремонтирует суда.

Он отложил ручку.

— В порту есть фирма. Судоремонт. Раньше была наша, теперь у неё собственник из-за границы. Они работают по контракту, у них свой персонал, свои допуски. И их бумаги лежат отдельно.

Соболь слушал.

— Почему вы сразу так не сказали?

— Потому что вы приехали со своей версией. — Тарасюк пожал плечами. — Я не хотел тратить время на спор.

— А сейчас не жалко?

— Сейчас жалко времени. Две недели — это не срок для порта.

В этот момент зазвонил телефон на столе — тот, что был у Соболя.

— Соболь.

— Андрей Николаевич, Ланской. — Голос был вежливый и напряжённый одновременно. — Мне поручено уточнить: вы начали работать по версии?

Соболь поднял глаза на Тарасюка. Тот смотрел прямо, не отводя взгляда.

— Начинаем.

В трубке помолчали, будто там сверялись с чем-то написанным.

— Вам доводят: срок сокращён. Не три недели — две.

— Понял.

— И ещё. Модель работает по вашему региону. Ваши люди на месте, но данные — сюда. Всё, что вы видите, уходит в Петербург.

— Всегда так было.

— Теперь это в приказе.

Ланской попрощался и отключился.

Соболь нажал отбой.

— Сократили срок.

— Сколько теперь? — Дёмин.

— Две недели.

Тарасюк усмехнулся и стал собирать листы.

— Хорошо.

— Вы не рады?

— Рад. Только за две недели можно найти виноватого или правду. Что-то одно.

— Мы попробуем оба. — Соболь встал. — Виктор Петрович, завтра с утра — наблюдение за Штерном. Дом, работа, вечер.

— А если ничего не найдём?

— Тогда будем искать в судоремонте.

Тарасюк задержался в дверях.

— Вы знаете, что первая фамилия в списке — не самая виновная?

— Знаю.

— Первая — самая удобная.

— Тоже знаю.

— И всё равно работаете.

— Работаю, — сказал Соболь. — Потому что иначе я буду работать без людей вообще.

Тарасюк надел куртку.

— Тогда завтра в семь. У причала.

Он вышел, и в коридоре долго слышались его шаги — тяжёлые, неспешные, как у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.